

ТРУДНОЕ ДЕЛО ИГРА

Творческий портрет

ВЯЧЕСЛАВ КИРИЛИЧЕВ родился на белый свет для того, чтобы играть в театре. Даже среди актеров, людей, выбирающих профессию по любви, — вы редко встретите человека, который бы получал такое нескрываемое наслаждение от игры.

С училища — он закончил Свердловское театральное — у него была репутация актера, который умеет смешить публику, и одно время он этим чрезвычайно гордился. За свою актерскую жизнь он переиграл такую уйму комедийных ролей, что если подсчитать, сколько минут и даже часов его сценической жизни сопровождалось смехом зрительного зала, то окажется, что соперничать с ним могут только профессиональные «короли смеха» из цирка.

На сцене Свердловской драмы довольно долго шла комедия Голдсмита «Ночь ошибок». Кириличев, хотя занят был на сцене не больше трех минут и играл персонажа, который в перечне действующих лиц значился последним, усердно трудился для того, чтобы внести и свою лепту в общее дело создания веселого, яркого и умного спектакля.

Диггери (так зовут героя Кириличева в этом спектакле) — бывший конюх, который «пошел на повышение» и теперь выполняет импозантные функции дворецкого или кого-то в этом роде, — это именно ему доверено входить и объявлять: «Сквайр, вам письмо!» Но дело все в том, что самому Диггери на свое повышение в высокой степени наплевать, он им ничуть не польщен и новые свои обязанности исполняет до такой степени спустя рукава, что дальше некуда. Душой он остался на конюшне, а здесь, в парадных комнатах, присутствует лишь его вечно пьяное тело. Зрителю с первого взгляда на этого человека становится ясно, что в этом доме все слегка вверх дном. Диггери оттеняет и хозяйку дома, которая лишь формально придерживается хороших манер, и даже дочку — уж на что обаятельная девица, но готова небрежно сражаться за жениха. А молодой хозяин, тот самый сквайр, которому письмо, — этого письма прочесть не может, так как всю жизнь питал отвращения к грамоте. Диггери — символ, его фигуру можно вписать в родовую герб, если бы почтенное семейство вздумало таковой завести.

Кстати, этот абзац по поводу Диггери во много раз превышает объем самой роли.

КИРИЛИЧЕВ в своей жизни сыграл не так уж много больших ролей. Гораздо чаще ему приходилось играть такие, текст которых умещался в тоненькую — тоненькую тетрадку. Но он никогда не жаловался на это обстоятельство. Он умеет радоваться любой роли, какой бы скромной она ни была. Когда в прошлом сезоне Кириличев репетировал Горацію, ему мерещилось, что он будет при Гамлете не бледной тенью, а полноценной личностью. Он был готов в поте лица трудиться, чтобы заслужить слова: «Горацию, ты изю всех людей, каких я знаю, самый настоящий». А он бы в ответ сказал с досадой: «О, что вы, принц!».. А Гамлет бы на это ответил... Впрочем, Горацию он не сыграл. Ну, что ж делать, сокрушаться по несыграным ролям он тоже не умеет.

...Он перебирает в памяти репертуар Свердловской драмы последних десяти лет (Кириличев в театре с 1965 года), вспоминает удачу коллектива и, с грустью качая головой, говорит:

— В этом я не был занят... и в этом тоже... И тут — прочерк.

«Отношения с классикой» тоже складывались не лучшим образом. Чехова, которого очень любит, не играл ни разу. Шекспира играл только однажды — крохотная роль в «Антонии и Клеопатре». «Островского «Гроза» — прошла мимо меня». — невесело шутит он. Был период — около трех лет, — когда Кириличев вообще не играл новых ролей. Любый бы на его месте отчаялся. Кириличев помогал его неугомонный интерес к искусству, к жизни, к спектаклям — не важно, был он сам в них занят или нет. Его вообще никогда не видели вялым, с выражением разочарования или скуки на лице, в дурном настроении. Закалка у него двойная: коренной уральца и интеллигент по складу характера, мышления. В любой момент в его глазах может вспыхнуть огонь настоящего, безудержного веселья, энергии, интереса, неукротимой жажды действия — и все той же жажды играть.

Долгое время на утренниках шел на радость детворе спектакль «Захудалое королевство». Кириличев сыграл там несколько ролей: Зайца, Волка и Короля («по восходящей»). «Король» — была прекрасная роль. Я там играл по ходу действия в домино и катался на велосипеде.

А в театре тем временем начали репетировать «На всякого мудреца довольно простоты», и в один прекрасный вечер перед публикой возникло почтеннейшее, хотя несколько... как бы это сказать... умственно несовершенное существо — Городулин. У этого человека от долгой и ревностной службы «царю — отечеству» мозги пересохли, как старая чернильница, и вот этак-то ноль уполномочен что-то делать, что-то решать.

Кириличев играл зло, с блеском, с точным ощущением стиля, когда страшное и смешное переплетаются.

Потом снова катался на велосипеде и играл в домино (сезона два, и в этом было немало актерское мужество) — и вдруг снова удивил: Гурский в «Нескольких днях без войны» К. Симонова. Гурский — сердечная привязанность главного героя спектакля Лопатина, его счастливое и горькое воспоминание. А исполнителю Гурского надо, прорвав эту дымку воспоминания, стать фигурой не только идеальной, но и жизненно правдивой. Надо найти какой-то секрет... А секрет заключается в том, что у Гурского есть талант дружбы. Гурский — человек не просто умный, а мудрый. Не просто добрый, а страстно желающий добра другому. И вместе с тем не просто правдивый, а до жестокости правдивый. Закончив тяжелый для него разговор с Лопатиным, Гурский — Кириличев добавляет как бы в осуждение себе: «Ты извини, я в дружбе человек тяжелый». И невозможно забыть его жесткое и вместе с тем в высшей степени одухотворенное лицо. Я знаю зрителей, которые ходили дважды смотреть этот спектакль из-за кириличевского эпизода.

РАДОСТНО видеть в Кириличеве представителя того типа актеров, которым в качестве горючего достаточно соломинки, чтобы костер их фантазии вспыхнул (иным, как известно, надо подбрасывать охапки дров). Намерен на драматическую ситуацию, одно слово, резко выделяющееся в контексте, какая-нибудь деталь — и воображение заработало. Но безудержно фантазируя по поводу будущей роли, Кириличев одновременно и параллельно занимается строжайшей, почти математической выверкой своего будущего сценического бытия с точки зрения жизненной правды.

В своей жизни Кириличев сыграл много ролей так называемых простых людей. И в его исполнении они никогда не были простыми, а всегда оказывались сложными. Ему неинтересен человек вообще, человек-схема. Его фантазия начинает работать тогда, когда он видит конкретную судьбу, лицо, биографию. Для него обобщение в искусство возможно только через предельную конкретность. И вдохновляется он всегда одним: стремлением понять и раскрыть человеческий характер. И всегда радуется за своего героя, если удается в результате жизненных поисков вывести его с перепутья на верную дорогу.

Зная актера по бесконечной веренице эпизодов и второстепенных ролей, зритель отметил его впервые, пожалуй, в «Старшем сыне» Вампилова. Было это еще и до Городулина, и до Гурского.

Однажды на сцену вышел такой человек — Сильва, с виду пустышка пустышкой, заурядное трепло, а вслушавшись — сквозь все его шутки и шуточки вдруг контрапунктом проступает тема серьезная и печальная: человек этот панически боится одиночества, сознает, что плывет в жизни по течению, понимает, что надо бы заняться делом, а все не получается, и душа у него от этого не на месте.

В Сильву актер вложил много личного. Бывало, что он выходил после спектакля на аплодисменты с угрюмым лицом, на котором вместе с сожалением о нескладной судьбе только что сыгранного героя читалось: «сам виноват — зачем столько острил». В этом, несомненно, была доля личной нетерпимости. Сейчас, как известно, все острат, но если беспрерывно острить, все ценности как бы слегка линяют, вроде бы для человека в жизни вообще серьезного ничего не остается. Человек сам рад бы намеренуть, что это не так, что есть для него дорогое, да опасную машину юморочка не остановишь, она все крутится. Это и ужасало Кириличева в Сильве.

Что же касается самого Кириличева, то он контрастен своему герою. В жизни у него есть способность посреди ничего не значащего вроде бы разговора приходить в неопишное волнение. Он не боится стать вдруг серьезным и резко поврать нить блестящей беседы, когда она приобретает черты опасного пустословия. Есть вещи, о которых он не может говорить посмеиваясь. Например, о театре и о том, что в нем ему дорого. Свою роль (не то, как он ее играет, а самый текст) в «Борисе Годунове» он любит пылко, до смешного, до полной потери юмора.

Однажды его поклонник, желая сделать актеру приятное, сказал: «А хорошо вы говорите это: «Мне снилось, лестница крутая вела меня на башню». Страдальчески сморщившись, Кириличев вдруг впал в раздражение: «Между прочим, там «снилось»!» Когда все с удивлением на него уставились: с чего бы это? — куда девался его приятно-остроумный тон... Он объяснил непонимающим: «Пушкин же написал!» — и долго еще ему было не по себе.

Кириличев слишком выстрадал своего Самозванца — он долго ждал такой роли, и теперь кровно ею дорожит.

САМОЗВАНЕЦ сегодня — главная удача Кириличева, его тревога и счастье. Какая это роль!.. Счастье было появиться в первых сценах спектакля в облике смиренного инока, слушать Пимена под сводами Чудова монастыря, слушать и мотать все на ус; счастье было затеряться в вольной среде странствующих по Руси собратьев, а потом на литовской границе прыгнуть в окно корчмы, да таким фантастическим образом прыгнуть, что сразу вознестись на головокружительную высоту, на равных поговорить с недоступной красавицей Мнишек, да так поговорить, чтобы она поняла, что она для него не вся мечта, а лишь одна из, возможно, небольшая часть этой мечты и потом, безумно увлекшись ролью, командовать войсками и однажды почувствовать впереди признак неизбежной катастрофы — но он уже слишком далеко зашел, Гришка Отрепьев, этот Наполеон XVII века, — как азартный игрок, он уже не может остановиться. Вот такая это роль. Чтобы доказать свое право на нее, надо соединить в своей игре холодный расчет и безумную дерзость, лед и пламень, стратегию и азарт. Кириличев соединил, доказал, — спектакля этого представить без Кириличева уже нельзя.

И ВОТ — звание заслуженного артиста, и передачи по телевидению, и критики хвалят... Он смущается (и это тоже немаложко игра, так, самую малость), благодарит за внимание, неуловимая ирония, чуть-чуть, на самом донельзя, — благородная ирония по отношению к самому себе: дескать, ну-ка, ну-ка, как ты будешь играть роль скромной знаменитости?.. Сам он никаких изменений в своей жизни не ощущает. Как прежде, как всегда, как десять лет подряд, он хочет только одного: играть! играть! играть!

Мне вспоминается мечта тельного лица одного режиссера, который как-то работал с Кириличевым:

— Хорошо бы поставить обыкновеннейшую пьесу, можно даже слабую, и чтобы в ней была голубая-голубая роль, и вот эту-то роль отдать Кириличеву. Вот пошла бы игра! Как бы он ходил вокруг роли, как бы всех замучил, и себя больше всех, все бы доискивался, он же страшно дотошный, он бы искал малейшую не до конца законопаченную заботливым драматургом ситуацию, через которую в героя можно было бы вдохнуть живую жизнь...

Но еще лучше было бы — давайте помечтаем! — если бы Кириличев получил большую роль в настоящей, хорошей пьесе, классической или современной. И чтобы другие роли в пьесе тоже были хорошие и большие, — было бы с кем поиграть (Кириличев всегда озабочен творческим самоучастием партнера, — вспомните его дуэты с Умпелевой, с Марченко).

Ах, какая для него тогда начнется счастливая пора! Он станет колючим, вредным, вездельным, начнет на нервной почве беспрерывно курить (друзья в шутку зовут его из-за этого Куриличев), будет мучиться бессонницами...

И все это будут не какие-нибудь пресные бескрылые терзания, на которые окружающим и смотреть-то неприятно, — нет, это снова пойдет игра, веселая, отчаянная, лукавая, полная иронии, самоиронии, — настоящего вдохновения. «Ваши правда, так надо играть»...

Н. ПЛАКСУН.